

Суббота,
28 февраля

При большом стечении народа и к вящей радости всех собравшихся, в 2 часа мы отчалили. Предводительствуемый Мюрреем¹ «Недосягаемый» отбыл раньше. Команды «право руля» – «лево руля» Мюррей ревел, как Васанское чудище², мы же отошли от причала тихо, по-деловому. Судно наше сверкает чистотой, как яхта благородного джентльмена. Выскобленные палубы белы как снег, медь блестит и переливается. Молодая дама, которой я был представлен, но чье имя я при знакомстве не расслышал, махала мне платком, стоя на краю пирса. Сняв шляпу, я помахал ей в ответ, хотя кто она такая – один Бог ведает.

На палубе пробирал ветер, и давление в барометре быстро падало. Несколько часов мы шли вдоль бухты и закусывали, поднимая тосты за Бакстера³ и прочих именитых гостей «Надежды». Наконец прибыл лоцманский катер и увез их всех на берег вместе с незадачливым «безбилетником», пытавшимся спрятаться в твиндеке⁴.

Мы взяли курс на Шетланды и шли туда под крепким ветром; барометр устремлялся книзу вроде ложащейся на дно устрицы. Мое намерение – оставаться на палубе как можно дольше.

¹ Капитан Александр Мюррей (1803–1894) много лет водил приписанный к Питерхеду винтовой барк «Недосягаемый».

² «Множество тельцов обступили меня: тучные Васанские окружили меня. Раскрыли на меня пасть свою, как лев, алчущий добычи и рыкающий...» (Псалмы: 21: 13–14). В стихотворении «В воображении на дно я опускаюсь...» английский поэт Роберт Грейвс описывает «громовый рев Васанских чудищ, что штормовое море исторгает, ломая в щепы корабли».

³ Уильям Бакстер, владелец «Недосягаемого».

⁴ Как отмечает «Шетланд Таймс» от 8 марта 1880 года, количество промысловых судов в некоторые годы бывало ограниченным. Соответственно уменьшалось и количество завербованных в Леруике матросов. «Предпочтение отдавали испытанным морякам, – указывает автор статьи, – многие жаждущие были отвергнуты и мест не получили».

*Воскресенье,
1 марта*⁵ В 7.30 пополудни прибыли в Леруик. Нам чертовские повезло: надвигался шторм, и, если б мы не успели пришвартоваться вовремя, могли бы потерять шлюпки и фальшборты. Мы очень этого опасались, но в 5.30 на горизонте обозначился Брессейский маяк. Капитан радовался, что добрался до порта прежде «Недосягаемого», вышедшего пятью часами ранее.

*Понедельник,
1 марта* Ураганный ветер. «Недосягаемый» прибыл в 2 часа ночи. Весьма своевременно. Гавань – сплошная пена. А на судне очень спокойно и удобно. У меня маленькая уютная каюта. Телеграфное сообщение между нами и Питерхедом нарушено. Ну и дыра.

*Вторник,
2 марта* Барометр показывает 28.975. Капитану еще не случалось наблюдать столь низких значений⁶. Сделал инвентаризацию нижнего белья⁷. Тейт, наш шетландский представитель, рассуждает о религии и атеизме. Он вовсе не так глуп, как кажется⁸.

*Среда,
3 марта* Погода хорошая, но давление все еще низко. После завтрака ходил на берег с капитаном. Набирали матросов-шетландцев. В тесной конторе Тейта жуткое столпотворение. Прибыли «Ян-Мейен» & «Виктор». Мюррей с «Недосягаемого», по-видимому, неплохой парень. Капитан [Грей] и я выходили от Тейта, когда какой-то пьяный шетландец бросился к капитану: «Капитан (ик!), я иду с вами в поход! Такое судно! Прелесть! Огромное! Мы таких не видывали. Я вам (ик!) принесу удачу!» Грей нехотя повернул назад, в контору. Он казался раздраженным, и я сказал: „Могу его прогнать, если позволите!“ Он ответил: „Вижу, доктор, у вас руки чешутся задать ему хорошую

⁵ Ошибка Конан Дойля: 1880 был високосным годом, и воскресеньем являлось 29 февраля.

⁶ «Подобных низких значений я не упомяну за все время моего арктического плавания», – признавался Конан Дойл сорок три года спустя.

⁷ «Работа корабельного врача была не очень обременительной, – пишет Александр Бьюкен, один из спутников Джеймса Кука. – Не считая времени, когда ему приходилось применять свои скудные медицинские познания, его использовали в качестве порученца». «Инвентаризация нижнего белья» служит тому примером.

⁸ «Мистер Тейт имел существенный доход от прибылей китобоев и охотников за тюленями, являясь представителем многих судовых компаний. В период найма матросов на суда жизнь в его конторе кипела», – писал Конан Дойл.

трепку. Я и сам бы не прочь сделать это, но так не годится“. Мы затолкали соискателя в заднюю комнату и заперли дверь, но тут в стекле наверху двери показалась рука. Бах! – во все стороны полетели осколки вперемежку со щепками, и в образовавшейся дыре появился неукротимый шотландец с изрезанными в кровь руками: „Меня не удержать, капитан Грей, ни деревом, ни железом! Я буду с вами на вашем корабле!“ На протяжении всей этой сцены капитан не шелохнулся и продолжал невозмутимо курить трубку, стоя у окна. Упивавшегося и отбрыкивавшегося забудыгу скрутили и поволокли, по всему судя, в кутузку, хотя лечебница подошла бы тут куда больше. Типичный случай *delirium tremens* («белой горячки»). За обедом принимали Мюррея с «Недосягаемого» и Тейта. Говорили о масонстве, китобойном промысле и прочем. Спорил с Мюрреем насчет действенности лекарств. Вино лилось рекой, и притом хорошее. Остаток вечера провел в приятном обществе капитана. Между прочим, обнаружился еще один «безбилетник» – несчастный, перепуганный. Капитан сначала страдал его отправкой на берег, но окончилось все подписанием договорного документа.

*Четверг,
4 марта*

Утром выдавал табачное довольствие⁹. Потом спал, к вечеру сошел на берег. Сперва мы со вторым помощником и стюардом¹⁰ завернули в «Квинс»¹¹, где, по выражению последнего, «маленько вздрогнули», затем отправились к миссис Браун¹². Там я потерял своих спутников. У миссис Браун я был желанным гостем и получил заверения, что ее дом навеки останется моим домом. После чего я переместился в заведение на Коммершл-стрит¹³, где шла гульба. Слушал хорошие песни

⁹ Еще одна обязанность Конан Дойла в качестве порученца.

¹⁰ В журнале Конан Дойл не указывает имени стюарда, но он помнил это имя: Джек Лэм, его спарринг-партнер, с которым он схлестнулся в первый же день пребывания на борту и которого здорово отмутил. Случай этот писатель вспоминал впоследствии: «Не знаю, жив ли еще Джек Лэм, и если жив, то должно быть, помнит нашу стычку».

¹¹ Построенный в начале 1860-х отель «Квинс», что неподалеку от леруикской гавани, существует и поныне.

¹² Ни гостиниц, ни увеселительных заведений, где хозяйкой числилась бы миссис Браун, по свидетельству составителя альманаха Шотландской библиотеки за 1879–1882 гг. Дугласа Гардена, в Леруике не значится. Возможно, это был бордель (почему Конан Дойл и «потерял» там своих спутников).

¹³ Ныне это расположенный на Коммершл-стрит «Гранд-Отель», откуда открывается вид на гавань.

и сам распевал «Джекову байку»¹⁴. Беседовал с капитаном о принце Жероме¹⁵.

*Пятница,
5 марта*

Капитана и меня пригласили на обед у Тейта. Мы сочли это безрадостной перспективой. Отправились в «Квинс», где сыграли в бильярд. Потом потащились к Тейту. Там застали Мюррея с «Недосягаемого» и некоего Гэллоуэя, мелкого, но жутко напыщенного стряпчего – мерзкого типа. Провели томительный вечер за тяжелым ужином со скверным шампанским. Старина Тейт изобразил крайнее удивление, когда я сказал, что прихожусь племянником Р. Д.¹⁶ Вот оборот, – позднее я узнал, что капитан ему об этом все уши прожужжал. Он приучил свою собаку к почитанию Наполеона. На того, кто ненароком произнесет имя «Наполеон» с неодобрительной интонацией, она кидается стрелой, рвет зубами и одежду, и тело. Мюррей развлекал нас рассказами о трех матросах, провалившихся под лед, десяти – убитых в уличной драке, а также другими интереснейшими историями. В девять за нами пришла шлюпка, и мы с облегчением отправились к себе на корабль, где можно спокойно вытянуть ноги и расслабиться у себя в каюте.

Поднимался ветер. Разглядывали сооружение, которое капитан счел развалинами римского лагеря. Я же думаю, что то была круглая башня пиктского периода.

*Суббота,
6 марта*

Дождь и сильный ветер. Весь день ничего не делал. Колин Маклин¹⁷ и еще несколько человек, отправляясь вечером на берег, потребовали шлюпку, которую мы были вынуждены отрядить, хотя море и было беспокойно. Начал биографию Джонсона Босуэла¹⁸.

¹⁴ Морская песня, где воспеваются моряки-британцы, в XIX веке выступившие против работорговли.

¹⁵ Жером Бонапарт (1784–1860), младший брат Наполеона.

¹⁶ Ричард Дойл (1824–1883), один из лондонских дядей писателя, прославился как автор иллюстраций в «Панче» и многих других графических работ, в частности, серии сатирических рисунков «Это вы, англичане: ваши нравы и обычаи».

¹⁷ Сорокалетний первый помощник на «Надежде» официально числился поваренком, так как не имел соответствующего квалификационного удостоверения. Конан Дойл его очень уважал, признавал его превосходство и называл «истинным первым помощником, достойным звания, которое дается отнюдь не бумагой от Министерства торговли».

¹⁸ Имеется в виду первая полная биография Сэмюэля Джонсона (литературный критик, лексикограф и поэт XVIII столетия), написанная его другом Джеймсом Босуэлом и вышедшая в 1791 г.

Воскресенье,
7 марта

Ничего интересного, если не считать прибытия почтового парохода «Сент-Магнус», привезшего мне письмо из дома и еще одно – от Летти¹⁹, а также «Скотсмен» за неделю. Новости неплохие. Вчера мы переменили место стоянки и теперь, как и «Недосягаемый», стоим в стороне от других судов.

Вечер помощник Колин провел в «Квинсе», где услышал, как два жителя Данди прохаживались насчет «тех двух гребанных питерхедцев, что ни с кем знаться не хотят, а сами надутые, как индюки». Колин вскочил и с криком, что он тоже с «Надежды», растолкал всех и, как бешеный, кинувшись на доктора из Данди²⁰, сильным ударом сбил его с ног.

Наутро, когда я обрабатывал раны Колина, он сказал: «Счастье еще, что я был трезв, доктор, не то не миновать им было бы настоящей драки». Интересно, что Колин понимает под «настоящей дракой». Леруик – грязный городишко, жители его – простоватые и очень гостеприимные. Главную улицу его, видать, строил какой-то косоглазый, потому что дома сильно наклонены, а улица извивается, точно штопор.

Обратил внимание на то, что на некоторых стоящих в гавани судах развиваются флаги с масонскими символами. У Мюррея на вымпеле – циркуль на синем поле²¹.

Здесь рыбаки продают треску по 5 фунтов за центнер, а улов их за ночь составляет центнеров 25. Между прочим, механику с «Недосягаемого» машиной повредило два указательных пальца, и перед завтраком мне пришлось отправиться туда и делать перевязку. В порту насчитал двадцать китобойных судов.

Понедельник,
8 марта

Порядочных перьев, чтобы делать записи в журнале, здесь нет, так что пишу этим – черт бы его побрал. Сегодня ходили на берег и, пошатавшись там, я набрел на футбольный матч

¹⁹ Вероятно, речь идет о Фрэнсис Летиции Фоли, старшей из троюродных сестер писателя, проживавшей в графстве Уотерфорд в Ирландии. Конан Дойл был горячо привязан к своей кузине.

²⁰ Города Данди и Питерхед боролись за первенство на шотландском побережье. О Данди Конан Дойл отзывался пренебрежительно. Так, в письме к матери в 1900 г. он называет его «местом, которое слова доброго не стоит».

²¹ «Между кавалеристами можно наблюдать истинно масонские отношения братства и сочувствия друг другу», – замечает Шерлок Холмс в рассказе «Скандал в Богемии» (1891). Нечто подобное наблюдал Конан Дойл и среди морских капитанов. В Питерхеде имела 56-я ложа моряков Королевского флота Кейта, основанная в 1739 г. В 1887-м Конан Дойл и сам вступил в масоны, правда, ненадолго.

между оркнейцами и шетландцами – зрелище довольно-таки жалкое. Повстречал капитанов с «Ян-Майена» (Денчерс), «Новой Земблы»²² и «Эрика», а также доктора Брауна с «Эрика» – тоже лондонца. Вшестером мы по окончании матча отправились в «Квинс», где сначала выпили дурного виски, после чего перешли на кофе. Затем Браун заказал бутылку шампанского, и Мюррей, как и я, последовали его примеру. Сигары и трубки. Думаю, со спиртным мы немного перебрали.

В прошлом году Браун на судне «Воронья скала» попал в кораблекрушение. Говорит, что отлично стреляет²³. Мы с капитаном вернулись на судно в полдесятого.

Письмо от этого же дня, направленное писателем в Эдинбург, матери, Мэри Фоли-Дойл.

С борта судна «Надежда». Леруик. Понедельник
Драгоценная мэм!

С помощью все того же птичьего пера и бутылочки чернил сообщаю тебе новости с Севера: вчера прибыл почтовый пароход, привез письмо от тебя и очень милую весточку от Летти, которая, по всей видимости, имеет весьма смутное представление о том, зачем я отправляюсь в Гренландию – то ли держать экзамен перед медицинской комиссией, то ли что-то в этом роде (судя по ее пожеланиям мне успеха и выражениям надежды, что вернусь я уже дипломированным доктором)! Ну и забавная же она девчонка! Привезли «Скотсмен» и нужный мне пинцет. Теперь насчет твоих вопросов, постараюсь ответить на них как можно лучше.

1. Вопрос 1. Я получил – письма, посылки и прочее.
2. Мой [?] не получил и продолжаю его желать.
3. Я здоров.
4. На письмо миссис Хор²⁴ я ответил.

²² Так голландцы называют Новую Землю – гористые северные острова, являющиеся продолжением Уральских гор.

²³ Подобное умение судового врача ценилось даже больше, нежели его искусство врачевания, так как врач принимал участие в охоте на тюленей.

²⁴ Эми Хор, жена бирмингемского доктора Реджинальда Хора, под чьим руководством Конан Дойл экстерном обучался медицине. Супруги Хор стали для него вторыми родителями. Дружбу с ними он сохранил на долгие годы.

5. В качестве доброго и послушного мальчика (каким являюсь) я навестил Роджеров²⁵, виделся с ними, видел и малышку – по крайней мере, видел два огромных светло-голубых глаза, уставившихся на меня из вороха пеленок.

Похожа на спрута женского пола и с четырьмя щупальцами (подвид: спрут-пышка). Однако безмолвной ее не назовешь: «*Son et oruet et prosterea nihil* – голос и глаза, а больше ничего – искаж. лат.), если не считать не очень приятного запаха. О да, Вельзебуб – прошу прощения, Кристабель – прекрасный младенец. А теперь, когда я успокоил твою мятущуюся душу столь целительными ответами, разреши мне изложить что-нибудь более интересное. Во-первых, тебе приятно будет узнать, что никогда в жизни я еще не был так счастлив. Во мне есть явная цыганская жилка, и теперешняя моя жизнь, по-моему, как нельзя более мне подходит²⁶. Вокруг меня хорошие, красивые люди, и притом очень крепкие. Ты удивишься, насколько хорошее образование смогли самостоятельно получить некоторые из них. Вчера вечером старший механик, поднявшись из угольного трюма, затеял со мной на палубе под звездами диспут о дарвинизме. Я положил его на обе лопатки, но он взял реванш, рассуждая о замечаниях Колензо²⁷ по поводу Пятикнижия... В этом вопросе он меня обскакал. Капитан тоже человек ученый. В Леруикской гавани сейчас почти 30 китобойных судов, но только два из них приписаны к Питерхеду – «Недосягаемый» и «Надежда». Два лагеря недолюбливают друг друга. Грей и Мюррей считаются аристократами. Колин Маклин, наш первый помощник, в субботу заглянул в «Квинс», где полдюжины матросов из Данди стали поносить «Надежду». Колин – этот здоровенный и рыжий бородач-шотландец – не привык болтать попусту, так что он сразу поднялся и, объявив, что он тоже с «Надежды», без лишних слов дал волю кулакам. Он пригвоздил к полу их доктора и изувечил капитана, после чего триумфально поки-

---

²⁵ Роджеры были абердинскими друзьями матери Конан Дойла.

²⁶ Конан Дойл (хотя некоторые факты и говорят обратное) был убежден, что по натуре он человек богемы и цыган. В своих «Приключениях и воспоминаниях» он рассказывает о том, как пятнадцатилетним впервые был в гостях у своих лондонских дядей и тетушек: «Для них я был слишком богемен, мне же они показались чересчур добропорядочными». Этой же чертой он наделяет и Шерлока Холмса: доктор Ватсон говорит о Холмсе, что «всеми фибрами своей богемной души он ненавидел все проявления общечеловечности».

²⁷ Джон Уильям Колензо (1814–1883) – теолог противоречивых взглядов, потрясавший основы англиканской церкви.

нул помещение. Наутро он сказал мне: «Счастье еще, доктор, что я был трезв, а не то не миновать бы им было настоящей драки». Я же призадумался насчет того, что Колин понимает под настоящей дракой. Леруик – это городишко с кривыми улицами и некрасивыми девушками. Унылое захолустье, где есть две гостиницы и один бильярдный стол. Остров голый, без деревьев. В пятницу был на обеде у Тейта, нашего представителя. Обилие вкусной еды, шампанское и все прочее, но скучновато. Кстати, мы взяли на борт и отличное шампанское, и вино, и едим до отвала, как призовые свиньи. Уже долгое время я не знаю, что такое хотеть есть. Что мне нужно, так это физические упражнения. Я боксирую понемножку²⁸, и только. Прибыли мы как раз вовремя, опередив сильнейший шторм, разразившийся позавчера. Капитан уверяет, что, останься мы в открытом море, то потеряли бы не только шлюпки и фальшборты, но, весьма вероятно, и мачты. Сейчас погода наладилась и, думаю, к четвергу мы отчалим.

Вот, дорогая, и весь мой запас новостей. Да благословит Господь вас всех, пока я вдали от вас. Теперь получить от меня весточку сможете месяца через два с лишним. Парламент запретил нам бить тюленей раньше третьего апреля, вот почему мы околачиваемся здесь. Шлю мою любовь и привет на Гринхилл-пл.²⁹

Твой любящий сын, А. К. Д.

Капитан дал мне сегодня увольнительную, разрешив отправиться с несколькими самыми крепкими из младших членов экипажа на берег в «Квинс» – проверить, не будет ли желающих подраться.

Миссис Драммонд³⁰, вероятно, дала тебе неверную информацию.

Лотти прислала мне очень умное и забавное письмо³¹.

²⁸ На самом деле боксом на борту «Надежды» Конан Дойл занимался много, о чем свидетельствуют последующие записи в журнале. «Это держало меня в хорошей форме на протяжении всего плавания», – писал он в «Приключениях и воспоминаниях».

²⁹ На Гринхилл-плейс в Эдинбурге жили близкие друзья Дойлов Райаны. Овдовевшую миссис Райан Конан Дойл считал своей второй матерью, а с ее сыном Джеймсом дружил со школьных лет.

³⁰ Шарлотта Туэйтс Драммонд из Эдинбурга, как и миссис Райан, была очень близким Конан Дойлу человеком.

³¹ Имеется в виду любимая сестра Конан Дойла – Каролина Мэри Бертон Дойл, шестью годами моложе его.

Здесь письмо завершается, продолжение дневника.

*Вторник,
9 марта*

Перед ужином гулял на берегу с капитаном. Джек Вебстер³² напился и безобразничал на улице. Капитан обезвредил его и отправил на борт в лоцманском катере. Но на полпути к «Надежде» он спрыгнул в воду и вплавь добрался до берега. Таке-лажники и матросы потом ловили его. Утро провел в скучном хождении по лавкам. Отправляемся завтра, если позволит погода. Потом на судно поднялся Тейт, и мы с ним приятно побеседовали. Он парень неглупый, хоть и зануда. Просматривал Скорбси³³. Капитан рассказал мне кое-что любопытное о китобойном промысле – о том, как киты еще издалека слышат приближающийся пароход и как пугает их звук двигателя³⁴. Жир их стоит фунтов 30 за тонну, а ус идет примерно по 800 фунтов. Китовый ус целиком и полностью уходит на континент. Морские единороги³⁵ здесь встречаются повсеместно, равно как и акулы с дельфинами. Однако особенностью здешних мест являются простейшие, которыми киты и питаются.

*Среда,
10 марта*

Северный ветер помешал нашему отбытию. Ветхое «Затмение» показалось в гавани. Оно величественно проплыло мимо в клубах пара, приветствуемое всеми судами³⁶. Я поднялся на борт, где встретился с капитаном Дэвидом³⁷, Алеком

³² Какую функцию на корабле исполнял Джек Вебстер, остается неясным, как неясно и то, почему капитан Грей упорно сохранял в команде этого буяна. Попытки отыскать списки членов экипажа «Надежды» в 1880 году успеха не возымили.

³³ Уильям Скорсби, младший (1789–1857), которого Конан Дойл в книге «Обаяние Арктики» называет «последним из великих капитанов Англии». Отцом его являлся в высшей степени удачливый капитан китобойного судна из Уитби, и первое свое плавание в арктические воды юный Скорсби совершил в возрасте десяти лет. После обучения на естественном факультете Эдинбургского университета он стал плавать на судне своего отца «Решимость», и к 1810-му, будучи юношей 21 года, успел принять участие в целых десяти арктических экспедициях. Последовавшие затем пятнадцать лет он посвятил китобойному промыслу и изучению Арктики, но после смерти жены стал священником. Его записки и дневники стали важным источником для всех исследователей арктических широт. Пролив в Гренландии носит имя Уильяма Скорсби-младшего, как и названный в честь него лунный кратер.

³⁴ Паровые двигатели в качестве вспомогательного средства передвижения китобойи стали использовать еще в начале века, но отношение к этому новшеству не было однозначным. То, что в наши дни стало нормой, некоторые в ту пору полагали причиной уменьшения количества китов и постепенного упадка промысла.

³⁵ Имеются в виду нарвалы.

³⁶ «Затмение» считалось лучшим китобойным судном Питерхеда. Построенное для Греев в 1860 г. «Затмение» сменила в 1872–1873 гг. «Надежда».

³⁷ Дэвид Грей являлся также видным натуралистом и авторитетом во всем, что касалось Арктики. Работавший в те годы под его началом младший Грей, Александр, видимо, и имеется тут в виду. В 1838-м он принял под свое начало не раз упомянутый Конан Дойлом «Эрик».

и Крэббом. Вечером был на берегу, где сразился в «капитана»³⁸ и имел честь обыграть Крэбба в бильярд. А ведь он знаменитость среди здешних бильярдистов. Забыл перчатки и трубку в курительной.

*Четверг,
11 марта*

Великий день для Лейта³⁹. Корабли начали свое движение после завтрака, прочь из Леруикского пролива. Это было прекрасное зрелище – ясное, безмятежное небо, и суда одно за другим трогаются под аккомпанемент клацающих якорных цепей. Каждое уходящее судно трижды приветствовали остающиеся. Мы с капитаном отправились на берег, и я вместе с матросами занялся поисками этой несчастного скотины, Джека Вебстера.

Наконец нашли, впятером протащили его, отчаянно кусающегося, по главной улице Леруика, и погрузили на судно. Моей задачей было удерживать его и не давать спрыгнуть за борт. Около часа мы снялись с места и начали петлять между островов, пока около семи не бросили якорь в маленькой бухточке, неподалеку от «Ян-Майена», «Эрика» и «Активного». С «Ян-Майеном» мы от самого Леруика состязались в скорости и, опередив его, встали почти вплоты к «Эрику»⁴⁰. Обсуждали с Маклеодом⁴¹ и капитаном возможность достичь полюса уже к вечеру. Все уверены, что прежде курс выбирали неправильно⁴²: путь к полюсу должен пролегать в открытом море, а не в тесной трубе, становящейся чем дальше, тем уже и со всех сторон теснимой льдами, как мы это наблюдаем в Девисовом проливе⁴³.

³⁸ Может быть, имеется в виду популярная в трактирах игра «капитанша».

³⁹ Неясное место. Лейт – эдинбургский порт, откуда постоянно отправлялись китобойные экспедиции.

⁴⁰ «Являлось обычной практикой, – отмечает Дуглас Гарден из Шетландской библиотеки, – отплывая из Леруика, бросать якорь чуть севернее для более четкого распределения служебных обязанностей среди матросов и установления вахтенного расписания перед тем, как приступить к штурму Атлантики». В своих записках от 1874 года Маркем выдвигает другую шутиливую причину остановки: «Обычно отплытие китобойного судна ознаменовывалось полной неспособностью команды нести службу вследствие обильных возлияний с друзьями и знакомыми, в которых усердствовали матросы, и многочисленных стаканов со спиртным, выпитым ими за успех экспедиции».

⁴¹ Джон Маклеод, старший механик «Надежды».

⁴² Важнейшей целью того времени, сопряженной с огромными трудностями, было пробиться к полюсу на север. «Между Гренладией и Шпицбергенем, – писал Конан Дойл в «Обаянии Арктики», – путь следующему на север преграждает гигантский ледяной риф, в научной терминологии называемый “палеокристаллическим морем”, а китобоями на более экспрессивном англо-саксонском – “барьером”». На это замечание Конан Дойла отозвались Дэвид Грей, Альберт Гастингс Маркем, впоследствии контрадмирал, командовавший кораблем «Сторожевой» в британской арктической экспедиции 1875–1876 гг., а также его кузен Клеменс Маркем, почетный секретарь Королевского географического общества и автор труда «На пороге неведомого» (1873). Все трое